

лась угостить интимный кружокъ разными, какъ русскими, такъ и иностранными яствами.

— Готово, — сказала она, окинувъ столъ бѣглымъ взглядомъ, — дѣти, зовите гостей и сами садитесь къ столу.

Дѣвочки бросились въ разные стороны сада, и скоро изъ аллеи появились спорящія пары. Гости на этотъ разъ ограничивались мужчинами и было ихъ человекъ пять. Интимность знакомства позволяла продолжать споры все съ той же горячностью.

Самымъ близкимъ сосѣдомъ Вѣры Андреевны былъ выдающійся австрійскій романистъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выдающійся красавецъ, Генрихъ Штейнъ. Хотя черты его лица не отличались особенной правильностью, за то выраженье ихъ было и нѣжное, и могущественное, и чарующее. Волосы его, на первый взглядъ темные, огнемъ отливали въ свѣту. Глаза, на первый взглядъ голубые, казались то черными, то цвѣта морской воды. Смѣхъ его изъ добродушно-беззаботнаго вдругъ переходилъ въ язвительный, причемъ его губы какъ-то уходили во внутрь и ротъ казался злымъ и жестокимъ.

Веприны были знакомы со Штейномъ уже около трехъ лѣтъ, и Вѣра Андреевна въ шутку называла его хамелеономъ. Хамелеонъ, однако, въ одномъ былъ неизмѣненъ — въ своемъ восторженномъ поклоненіи Вѣрѣ Андреевнѣ. Въ эти три года ихъ знакомства, онъ написалъ романъ, который посвятилъ ей; взялъ съ нея героиню своей послѣдней повѣсти, въ которой безмолвный поклонникъ долгихъ лѣтъ добивается, наконецъ, счастья быть любимымъ. Особенно трогателенъ по своей простотѣ былъ конецъ, изображавшій душевный восторгъ этого идеальнаго вздыхателя. Искренность его чувства была описана тонкими, изящными штрихами. Даже цѣпкіе копцы перьевъ рецензентовъ не могли ни за что уцѣпиться, и критика въ унисонъ похвалила романиста. Одинъ только Петръ Николаевичъ не похвалилъ его. Онъ постоянно былъ въ разногласіи со Штейномъ, и теперь называлъ восторгъ его героя „телячѣимъ“ и не имѣющимъ реальной почвы.

— Глубокія привязанности, — ораторствовалъ Петръ Николаевичъ, — созидаются годами, взаимнымъ пониманьемъ, единствомъ интересовъ...

— Вы такъ думаете? — съ усмѣшкой поддразнивалъ Штейнъ.

— Да-съ. Онѣ закрѣпляются семьей; вотъ этими маленькими созданными, этими будущими мыслителями и философами en herbe, которые сидятъ теперь передъ вами.

— Позвольте, Петръ Николаевичъ, — перебилъ его довольно